

АРХЕТИПИЧЕСКАЯ ОСНОВА ОБРАЗА ЯКОВА МАЯКИНА В ПОВЕСТИ М.ГОРЬКОГО «ФОМА ГОРДЕЕВ»

© 2012 В.А.Ханов

Нижегородский государственный педагогический университет

Статья поступила в редакцию 24.02.2012

В статье рассматривается архетипическая основа образа Якова Маякина в повести Горького «Фома Гордеев». Отмечается, что архетипичность, имеющая глубокие мифологические корни, является важной составной частью творческого мышления писателя. Устанавливается, что архетипические образы и мотивы позволили автору раскрыть суть Якова Маякина, придать ему широкий обобщающий смысл.

Ключевые слова: архетипические образы и мотивы, мифология, фольклор, ассоциации, аллюзии, символ.

Исследование мифологической основы творчества М.Горького является одним из важнейших направлений в современном горьковедении. Выявление архетипического содержания произведений крупнейшего русского писателя позволяет вскрыть глубинные первоосновы его героев, установить их связь с фольклорно-мифологическими образами, рассмотреть их символический смысл. Всё это с полным основанием можно отнести к повести Горького «Фома Гордеев», в частности, к образу Якова Маякина.

Образ Якова Маякина имеет разные трактовки. В прежнем горьковедении он рассматривался в основном как отрицательный образ. Так, Б.Михайловский писал, что «в Маякине Горький дал скульптурный портрет законченного капиталиста, рвущегося к политической власти, проводящего циничную политику жизни, для которого человек массы – ничто, обыкновенный кирпич в деле создания нового порядка»¹. О том, что Яков Маякин идёт по пути циничной мудрости, писали и Б.Бялик, и другие горьковеды.

В современном горьковедении Яков Маякин порой трактуется как положительный герой и в этом отношении резко противопоставляется Фоме Гордееву. К примеру, В.В.Харчев отмечает: «Маякин созидает. Фома разрушает. Яков хорошо жил, хорошо умер. Фома и жил плохо, и кончил хуже некуда»². С нашей точ-

ки зрения, суть образа Якова Маякина во многом поможет раскрыть его отношение к христианским заповедям, выявление его архетипической основы.

Яков Маякин является самым значительным купцом в городе и твёрдо уверен, что «купец в государстве первая сила, потому что с ним – миллионы». Идеолог купечества мечтает о том, как само правительство обратится к купцам с просьбой «очистить жизнь от всякой скверны». Но, получив власть, вряд ли маякины «очистят жизнь», обустроят её на светлых началах. Они уже потеряли совесть, не способны к состраданию. Яков Маякин откровенно заявляет: «По Христову учению совсем невозможно поступать, стал для нас Иисус Христос совсем лишний». Об этом же в повести Горького «Мои университеты» говорит и будочник Никифорыч: «Жизнь давно отвернулась от Евангелия, у неё – свой ход». А если для новых «устроителей жизни» нет Христа, то вполне логично и следующее откровение Маякина:

- Напрямки ходить в торговом деле совсем нельзя, тут нужна политика! Тут, брат, подходя к человеку, держи в левой руке мёд, а в правой – нож.
- Не очень хорошо это, – задумчиво сказал Фома.
- Хорошо – дальше будет... Когда верх возьмёшь... Жизнь, брат Фома, очень просто поставлена: или всех грызи, или лежи в грязи...

Разумеется, Яков Маякин не является у Горького образом классически законченного злодея. В отличие от консервативного «фабриканта грехов» Анания Щурова он понимает необходимость технического прогресса, рассуждает о высоком назначении человека: «Человек назначен для устройства жизни на земле». Принадлежит Маякину и близкая автору мысль о необходимости сопротивления окружающей среде: «Человек ценен по сопротивлению своему силе жизни». Как человек дея-

⁰ Ханов Вениамин Анатольевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики обучения русской словесности.
E-mail: vakhhanov@mail.ru

¹ Михайловский Б., Тагер Е. Творчество М.Горького. – М.: 1954. – С. 41.

² Харчев В.В. Купеческий роман «Василий Тёркин» П.Д.Бобарыкина и «Фома Гордеев» М.Горького // Проблемы традиций в отечественной литературе: Межвуз. сб. науч. тр. Нижегород. гос. педагог. ун-т. – Н.Новгород: 1996. – С. 27.

тельный, понимающий силу ума, идеолог купечества радуется торжеству мысли: «Всё украшается! Здания какие пошли!.. Пароходищи! Ума во всё бездна вложено! Смотришь – думаешь: «Ай да люди, молодцы!» Однако и своей алчностью к наживе, и своим презрением к «слабым» людям Яков Маякин таков же, как Ананий Щуров, Игнат Гордеев.

Раскрывая суть природы Маякина, Горький показывает благочестие его семейства: «Семья была благочестива – запах воска, ладана наполнял дом, покаянные вздохи, молитвенные слова носились в воздухе... Обрядности исполнялись неуклонно, с наслаждением». Но это чисто внешняя обрядность, слепое следование застывшим традициям, свидетельство застойного существования. Благочестие семейства Маякиных писатель называет «тупым и боязливым».

Яков Маякин набожен, знает множество молитв, часто цитирует Библию. Его жизнь ритуальна, но она совершенно лишена подлинного религиозного чувства, сакрального смысла и содержания. Излишняя ритуальность Якова Маякина – признак неверия. Его святость – это ложная святость, за которой скрывается натура хищника. Не случайно Горький неоднократно уподобляет Маякина коршуну, говорит о его «длинном, хищном носе», отмечает, что Яков Тарасович до поры до времени прячет лицо мошенника. В сознании Фомы Гордеева Яков Маякин, действующий по принципу «или всех грызи, или лежи в грязи», ассоциируется с хищным зверем. Глядя на «чёрные обломки зубов» своего крёстного, Фома заключает: «Многих, видно, ты загрыз». Порой Гордеев-младший воспринимает Якова Тарасовича как «юркового волчонка».

Думается, что уподобление Якова Маякина безжалостному хищному волку не является у Горького случайным. По одному из сказаний, волк создал сатана³. По народным представлениям, волку присущи функции посредника между людьми и нечистой силой. Опасным считается даже упоминать волка, чтобы тем самым не накликать его⁴. Синонимической заменой слова «волк» часто выступает слово «зверь». Именно волчьи, звериные качества в определённой степени присущи Якову Маякину. Так, идеолога купечества Горький связывает с демоническими силами.

Обращает на себя внимание и то, что писатель характеризует голос Маякина: «злобно визжит», «говорит злым и свистящим шёпо-

том». Звук его смеха «похож на визг ржавых петель». Своего «воспитателя» Фома Гордеев неоднократно сравнивает с ужом. Яков Тарасович словно издаёт нечеловеческие звуки. В этом смысле он обладает признаками персонажей «змеиного ряда», связан со всем тем, что враждебно человеку и что народное сознание определило как «нечистая сила». По мифологическим представлениями, отмечает А.Н.Афанасьев, «злые духи любят выть и шипеть»⁵.

В образе Якова Маякина важна ещё одна художественная деталь. Рисуя портрет идеолога купечества, писатель подмечает, что это был «низенький, худой, юркий, с огненно-рыжей клинообразной бородкой старичок с зеленоватыми глазами». В данном портрете присутствует аллюзия «князя мира сего». У Горького рыжий цвет ассоциировался с опасностью, сатаной. В записных книжках писателя есть набросок диалога: «А он какой с вида, Сатана? – Рыжий»⁶. «Огнекудрым» назван Сатана в сказке «Девушка и Смерть». Примечательно и то, что представленный автором портрет Якова Маякина ассоциируется и с обликом беса, чёрта. В народном воображении, указывает А.Н.Афанасьев, «у бойкого, рыжего чёрта борода козлиная – клином»⁷.

Позднее, в повести «Детство», Горький рисует выразительный образ Василия Каширина, портрет которого почти в точности совпадёт с портретом Якова Маякина. Дед Василий Каширин, однажды очень жестоко избивший маленького Алёшу, – это тоже «небольшой сухонький старичок, с рыжей бородкой, с птичьим носом и зелёными глазами». Как и Яков Маякин, Василий Каширин хитёр, коварен, жесток. Не случайно Алёше Пешкову он представляется «рыжим хорьком» (хотя дед Алёши не лишён и положительных качеств). Как и Яков Маякин, Василий Каширин убеждён в том, что «человек человеку – лютей враг».

Рисуя портреты Якова Маякина и Василия Каширина, подчёркивает Горький и то, что у них – зелёные глаза. По мифологическим представлениям, зелёные и синие огоньки появляются над могилами. Вспыхивают «блуждающие огни» и над болотами, которые в народном сознании соотносимы с зоной смерти, входом в иной мир⁸. Здесь посредст-

³ Петрухин В.Я. Сатанаил // Славянская мифология: энцикл. слов. – М.: 1995. – С. 348.

⁴ Гура А.В. Волк // Славянская мифология: Энцикл. слов. – М.: 1995. – С. 103.

⁵ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. – М.: 1869. – Т. 3. – С. 136.

⁶ Архив А.М. Горького: в 14 т. – М.: 1969. – Т. 12. – С. 5.

⁷ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу:.... – Т. 2. – С. 332.

⁸ Словарь славянской мифологии. – Н.Новгород: 1995. – С. 22.

вом зелёного цвета актуализируются такие качества героев, как их причастность к миру зла, к миру нравственно испорченных, нечистых. Характерно, что в повести Горького «Жизнь ненужного человека» Евсею Климкову бес представляется следующим образом: «Евсею казалось, что этот бес – колючий, как ёж, и мокрый, точно лягушка, рыжий, с зелёными глазами». В этой же повести автор говорит и о болоте, окружавшем родное село Евсея: «Ночами по болоту плутали синие дрожащие огни, говорилось, что это бесприютные души грешников».

Отталкивающий образ человека с рыжей бородой и зеленоватыми глазами писатель создаёт и в повести «Трое». Это купец Строганий. Рисуя его портрет, Горький пишет: «За конторкой стоял высокий мужик с огромным животом. На голове у него не было ни волоса, но лицо от глаз до шеи заросло густой рыжей бородой. Брови тоже были густые и рыжие, под ними сердито бегали маленькие зеленоватые глазки». В этой же повести Яков Филимонов утверждает, что «рыжие колдуны кровь пьют». Однако особый ужас и отвращение вызывает образ «рыжего мужика» с «зеленоватыми глазами» и «руками, густо поросшими рыжей шерстью», в рассказе «Вывод», в котором идёт речь о жестоком истязании женщины за измену.

Заметим, что в повести «Фома Гордеев» выразительную портретную характеристику Горький даёт и «фабриканту грехов» Ананию Щурову, раскрывая его звериную сущность. У Щурова костистая грудь, большая борода, длинный, тонкий, загнутый книзу нос, толстые, красные губы, из-под которых сверкают острые, жёлтые зубы. Это образ сосущего кровь вампира, который имеет фольклорные корни. Отсюда не случайна и фамилия купца – Щуров. Она явно образована от существительного «щур». Обращаясь к этому слову, А.Н.Афанасьев замечает: «Слово щур=предок в некоторых славянских наречиях употребляется в смысле ужа и крысы»⁹. Такое значение данного слова отмечает и В.И.Даль: «Щур – (нижегород.) лукавый плут, вор, но и уж, крыса»¹⁰. Таким образом, фамилия «фабриканта грехов» как нельзя более соответствует его натуре.

Итак, народные представления о бытии, об окружающих предметах и явлениях оказали на Горького самое непосредственное воздействие и – естественно – на способ его художествен-

ного мышления. Исходным материалом для писателя являлась сама жизнь, но изображал и оценивал он её по фольклорно-мифологическим канонам. В частности, в символике рыжего цвета явно видны у Горького глубинно народные подсознательные ассоциации, связанные с мифологией. Разумеется, рыжий цвет амбивалентен: он может вызывать и положительные, и отрицательные представления, чувства. Однако у Горького семантика рыжего цвета наиболее близка к значению этого цвета в народной духовной культуре, где рыжий демонстрирует устойчивую связь с понятиями демонического, потустороннего, нечистого, испорченного. Вскрывая глубинные истоки подобного восприятия рыжего цвета, А.Н.Афанасьев пишет: «У славян рыжебордые считаются людьми опасными и лукавыми, что намекает на старую боязнь разгневанного громовика и на присвоение ему демонического типа»¹¹. Он же отмечает: «Средневековые саги красную бороду приписывают предателю Иуде»¹². О негативном восприятии рыжего цвета свидетельствуют и народные пословицы, приведённые В.И.Далем: «Рыжих и во святых нет»; «Рыжий да красный – человек опасный»; «С рыжим торгу не води, с чёрным в лес не ходи»¹³.

Аллюзивно соотнося Якова Маякина с бойким чёртом, с юрким волчонком, акцентируя внимание на огненно-рыжей клинообразной бороде героя, на его зеленоватых хищных глазах, Горький тем самым наделяет идеолога купечества демоническими началами. Но демоничен не только внешний облик Маякина, демонична его натура, что хорошо проявляется в отношении Якова к христианским заповедям, в его восприятии Библии.

Как правило, Яков Маякин обращается к Библии с одной лишь целью: оправдать свои грехи. Так, на протяжении повествования идеолог купечества неоднократно упоминает Иова, которого он понимает несколько иначе, чем этот образ представлен в Библии. В Библии Сатана с ведома Бога испытывает богатого и богобоязненного Иова, чтобы проверить, как крепка его вера. Иов лишается имущества, семьи. Наконец, когда его поразила проказа, он возроптал на Бога. Доказывая свое могущество, Бог является перед Иовом, и тот раскаивается, вознаграждаясь богатством и новой семьёй. Пафос книги Иова – призыв к безропотному повиновению Богу. Но Якова

⁹ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу:.... – Т. 3. – С. 300.

¹⁰ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: 1999. – Т. 4. – С. 659.

¹¹ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу:.... – Т. 2. – С. 769.

¹² Там же. – С. 770.

¹³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: – Т. 4. – С. 117, 594.

Маякина привлекает в Иове не дерзость, не ропот на Бога, а то, что Иов, как человек, просто не может быть праведным, так как он – плоть, которая всегда грешна: «Как, говорит, могу быть праведным, ежели я – плоть? Это Богу вопрос». По утверждению Маякина, человек не может быть безгрешен. Грехи – удел человека, поэтому не стоит и бояться греха.

Идеолог купечества считает, что «вся душа человека заключается в денежной сумме». Дочь Маякина Люба убеждена, что отец её «добивается только денег». Так, мифологический демонизм становится у Горького символом власти денег над людскими душами. Не случайно Фома Гордеев, страстно обличая Якова Маякина и ему подобных, восклицает: «Вы не жизнь строили – вы помойную яму сделали» Есть у вас совесть? Помните вы Бога? Пятак – ваш Бог! А совесть вы прогнали <...> И в аду вам места нет по заслугам вашим».

В итоге Яков Маякин и близкие к нему «дельцы» как бы иллюстрируют своей жизнью известную заповедь Христа: «Никто не может служить двум господам: или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и мамоне» (Мф. 6:24). Поклоняясь идолу богатства, Яков Маякин отошёл от христианской нравственности. Для него уже невозможно возвращение к идеалам Христа: слишком укоренился в его сознании приоритет материального. Таким образом, Яков Маякин, восходя к демоническому архетипу, является у Горького символом безудержного денежного соблазна.

Думается, что, исходя из Библии, можно объяснить и то, почему Маякину Горький дал имя Яков. Во время банкета на пароходе, перед «дифирамбом» Маякина в честь купечества один из купцов бросает реплику: «Погоди! Иаков Исава – надул? Ага!» Смеем предположить, что эти слова имеют прямое отношение к Маякину.

По библейской легенде, Исав и Иаков – братья-близнецы. Исав, родившийся первым, однажды, голодный и усталый, попросил еды у Иакова. Тот, желая власти и богатства, потребовал взамен, чтобы брат отказался от своего первородства. Исав уступил первородство за чечевичную похлебку (Быт. 25:22–34). Отец братьев-близнецов слепой Исаак перед смертью попросил старшего сына Исаву накормить его и хотел дать старшему сыну благословение. Исаак нарек младшего Иакова господином над братьями своими, над племенами и народами (Быт. 27:1 – 29). Таким образом, Иаков дважды «надул» Исаву.

По сути дела, Фому Гордеева дважды «надул» и Яков Маякин, заманив своего крестника на банкет, спровоцировав его на бунт и отправив затем в сумасшедший дом.

Так, к концу повествования неведомая, «дьявольская» сила, сделавшая жизнь людей ужасной, персонифицируется, и Фоме всё более кажется, что она воплощена в Якове Маякине. И видимо, не случайно Николай Ежов в одной из бесед с Фомой называет Маякина бессмертным старым дьяволом: «Началась выборная компания, купечество выдвигает в головы твоего крёстного, – старого дьявола! Он бессмертен... ему, должно быть, полтора-ста лет уже минуло». «Бессмертным старичком» называет Якова Тарасовича и губернатор. Значимо и то, что Люба Маякина порой воспринимает своего отца как Кощея Бессмертного. Дьявольские тёмные силы, как в итоге убеждается Фома Гордеев, и создали жизнь-тюрьму. Примечательно, что в другой, более поздней повести Горького «Лето», один из героев, излагая апокриф, прямо утверждает: «Миром правит сатана».

О себе Яков Маякин заявляет: «Маякин! Маякин – человек, который держит судьбу в своих руках». Он действительно держит свою судьбу в руках. Но все действия его пронизаны обманом, лицемерием. Это двуликий Янус. «У этого человека было два лица», – подчёркивает Горький, напоминая читателю известную русскую пословицу: «У Якова лицо двоякое». Нелестную характеристику даёт Маякину в разговоре с Фомой Ананий Щуров: «Грешнее Игната-покойника один есть человек на земле, твой крестный Яшка». Итак, Яков Маякин – это, прежде всего, воплощение греха, обмана, стяжательства. В связи с этим важную роль играет семантика фамилии идеолога купечества. Фамилия Маякин образована от слова «маяк», которое в переносном смысле обозначает то, что является символом, знаком чего-либо. Таким образом, Яков Маякин как воплощение греха и порока является «маяком» для купечества и в то же время – символом этого купечества.

Заметим, что обличительный смысл образа Якова Маякина хорошо почувствовал известный нижегородский купец Н. Бугров, который, по словам самого Горького в очерке «Н.А. Бугров», так отозвался о его повести: «Это – вредный сочинитель, книжка против нашего сословия написана. Таких – в Сибирь ссылат, подальше, на самый край».

Итак, в повести Горького «Фома Гордеев» внешняя прямолинейность характеров, кажущаяся определённой авторской позиции опосредуется мощным подтекстом, связанным с

фольклорно-мифологическим материалом. В частности, глубокую архетипическую основу имеет в повести образ Якова Маякина, являющийся носителем демонического начала. Архетипические образы и мотивы позволили писателю раскрыть суть данного героя, придать ему широкий обобщающий смысл. Восходя к демоническому архетипу, Яков Маякин символизирует у Горького безраздельную власть материального над человеческой душой.

ARCHETYPICAL BASIS OF YAKOV MAYAKIN'S CHARACTER IN M.GORKY'S STORY «FOMA GORDEEV»

©2012 V.A.Khanov^o

Nizhny Novgorod Pedagogical University

Archetypal basis of the character of Yakov Mayakin in M.Gorky's story «Foma Gordeev» is considered in the article. It is noted that the archetypalness that has deep mythological roots is an important component of the writer's creative thinking. It is established that archetypal characters and motives let the author reveal Yakov Mayakin's essence and give him wide generalizing sense.

Keywords: archetypal characters and motives, mythology, folklore, associations, allusions, symbol.

^o*Veniamin Anatolievich Khanov, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the chair of the Theory and Methods of Teaching Russian Philology.
E-mail: vakhanov@mail.ru*